

Ж.В. Виденькина

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ
ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА
ИЛИ УЧАСТИЕ В НЕМ**

Юриспруденция

Жанна Виденькина

**Ответственность за
организацию преступного
сообщества или участие в нем**

«Юриспруденция»

2014

УДК 343.2/.2
ББК 67.408

Виденкина Ж. В.

Ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем / Ж. В. Виденкина — «Юриспруденция», 2014

ISBN 978-5-9516-0666-2

Издание посвящено проблемам ответственности за организацию преступного сообщества или участие в нем по УК РФ. Автор рассматривает понятие и признаки преступного сообщества не только с позиций Общей части уголовного права, но и самостоятельный состав преступления в рамках Особенной части, ответственность за которое предусмотрена ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества или участие в нем). Анализируются теоретические проблемы, связанные с новеллами законодательства, квалификацией преступлений данного вида и их отличие от смежных преступлений. Вопросы исследуются с учетом исторических позиций, законодательства зарубежных стран, доктринальных представлений и судебного толкования. Пособие рекомендуется для работников правоохранительных органов, практикующих юристов, курсантов и слушателей вузов МВД России, а также студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов.

УДК 343.2/.2

ББК 67.408

ISBN 978-5-9516-0666-2

© Виденкина Ж. В., 2014

© Юриспруденция, 2014

Содержание

Введение	6
Глава I. Преступное сообщество как форма соучастия	7
§ 1. Социально-историческая обусловленность выделения преступного сообщества (преступной организации) как формы соучастия	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Жанна Виденькина
Ответственность за организацию
преступного сообщества или участие в нем
Научно-практическое пособие

Автор:

Виденькина Жанна Васильевна кандидат юридических наук

Ответственный редактор:

доктор юридических наук, профессор **Н. Г. Кадников**

Рецензенты:

Красиков Ю. А. – д.ю.н., профессор **Антонян Е. А.** – к.ю.н., доцент

© Виденькина Ж. В., 2014

© Оформление. ИД «Юриспруденция», 2014

Введение

В России создалась сложная криминальная обстановка, которая характеризуется высоким уровнем преступности. Значительное влияние на криминализацию общественных отношений продолжает оказывать организованная преступность. Более всего действия организованной преступности проявляются посредством преступлений, совершаемых организованными группами, бандами и преступными сообществами. Статистика показывает, что преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 210 УК, в 2012 г. было совершено 202, что на 17,4 % больше, чем в 2011 г. Организованными группами и преступными сообществами в 2009 году совершено 29,6 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, в 2010–21,2 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, в 2011–16,9 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, в 2012–17,3 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+2,4 %).¹ Латентность преступлений данного вида также весьма высока.

Тем не менее нельзя отрицать нарастание противодействия преступным сообществам со стороны государства. Это проявляется и в постоянном совершенстве статей, предусматривающих признаки преступного сообщества и условия ответственности организаторов и рядовых членов. Однако коренного перелома в борьбе с преступными сообществами до сих пор не произошло. Не все правоохранительные органы до настоящего времени восприняли новые законодательные формулировки. Допускаются ошибки при организации оперативных мероприятий, раскрытии и расследовании преступлений данного вида. Серьезные недостатки выявлены в связи с ошибочной квалификацией преступлений, совершаемых преступными группами, характеризующими различные формы соучастия. Судебная практика также была весьма неоднозначной. В 70 % случаях суды не признают организованную группу преступным сообществом, полагая, что преступление совершено либо бандой, либо организованной группой. Допускаются и другие ошибки при квалификации преступлений и назначении наказаний. Отчасти это результат неоднозначного судебного толкования, которое стало возможным в связи с принятием Пленумом Верховного Суда РФ двух различных по сути постановлений о судебной практике по применению уголовного закона об ответственности за создание преступных сообществ и за совершенные участниками этих сообществ преступлений.²

Теоретическая значимость данного научно-практического пособия заключается в уточнении и углублении теории уголовного права в части форм соучастия, обосновании новых научных положений о понятии преступного сообщества, как наиболее опасной формы соучастия, об ответственности за организацию преступного сообщества и совершение его участниками различных преступлений. Сформулированные в пособии предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства, практики его применения, профилактической деятельности органов внутренних дел могут быть использованы в законодательном процессе, следственной и судебной практике. Материалы учебного пособия могут быть использованы в учебном процессе высших учебных заведений при преподавании курса уголовного права (Общая и Особенная части), спецкурса по квалификации преступлений.

Рекомендации о квалификации организации преступного сообщества или участие в нем, об отграничении данного состава преступления от смежных составов могут быть использованы в работе правоохранительных органов.

¹ См.: [Официальный сайт МВД РФ]. URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show> (дата обращения: 03.02.2014).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» от 10 июня 2008 г. № 8 и Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» от 10.06.2010 № 12 / сайт Верховного Суда – vsrf.ru.

Глава I. Преступное сообщество как форма соучастия

§ 1. Социально-историческая обусловленность выделения преступного сообщества (преступной организации) как формы соучастия

Выявляя прообразы нынешних норм, определяя тенденции дальнейшего их развития и при необходимости, формулируя предложения по совершенствованию действующего законодательства, мы прежде всего должны возвращаться к изучению истории развития ответственности за те или иные преступные деяния. Именно изучение истории является необходимой методологической составляющей для научного исследования той или иной сферы общественных отношений.

Установление уголовной ответственности за создание преступного сообщества или участие в нем вряд ли можно назвать принципиальным и беспрецедентным нововведением в уголовном праве России. Появление первой для России формы организованной преступности в виде сплоченной воровской среды относится еще к последней трети XV – первому десятилетию XVI вв.³ Как отмечает А. А. Мордовец, «в это время появились первые свидетельства о существовании воровских организаций, а ближе к середине XVI века в русском праве отчетливо оформилось понятие “лихого человека”, для которого разбой был профессиональным занятием».⁴

Субъекты преступной деятельности впервые были четко определены в российском законодательстве к концу XV в. и зафиксированы Судебником 1497 г.⁵ В это же время профессиональный преступник становится объектом судебного преследования. Основная задача государства в то время состояла в том, чтобы доказать, что преступник профессионал имеет отношение к категории «лихих». Чтобы добывать такие доказательства, государство законодательно урегулировало применение пыток в качестве способа получения показаний по таким делам. Мерой наказания для таких лиц являлась смертная казнь.

Судебник 1550 г. сделал следующий шаг в развитии уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за организованную преступную деятельность. Этот документ классифицирует формы организованных преступлений, выделяя среди них антигосударственные и общеуголовные. Как мы видим, уже в достаточно древних памятниках уголовного права встречаются нормы о соучастии и различные формы так называемой организованной преступной деятельности. Впервые постановления о соучастии особого рода появляются в русском законодательстве в XVII в. – в Соборном уложении 1649 г., т. е. в том нормативном акте, в котором «на первом плане стоит... впервые входящее в русское законодательство понятие государственного преступления».⁶

Русская Правда⁷ и Судебники 1497 и 1550 г. еще не упоминали о таких преступных проявлениях, но в Соборном уложении 1649 г. уже говорится о скопе и заговоре применительно к

³ См.: Основы борьбы с организованной преступностью: монография / под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. М.: «Инфра-М», 1996. С. 167.

⁴ Мордовец А. А. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) и участие в нем: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 12.

⁵ См.: Лапенков В. К. Исторические формы организованной преступности в России // Проблемы борьбы с организованной преступностью. Материалы научно-практической конференции (28–29 ноября 1995 г.). М.: МИ МВД России, 1996. С. 96.

⁶ Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 83.

⁷ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общ.: в 2 т. / сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. РАН;

преступлениям против государя и его слуг. Преимущественно Уложение ограждает от скопа и заговора «государственную честь» и «его государское здоровье». ⁸ Этому посвящены ст. 18–21 главы II Соборного уложения. Так, в ст. 18 говорится: «А кто Московского государства всяких чинов люди сведают, или услышат на царское величество в каких людях скоп и заговор, или иной какой злой умысел и им про то извести государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси, или его государевым боярам и ближним людям, или в городах воеводам и приказным людям». Недонесение о таких преступлениях сурово наказывалось: «кто из осведомленных не сообщит царскому величеству – то будет казнен смертью без всякой пощады». ⁹

Скоп «предполагает коллективные действия по заранее определенному плану и с определенной целью, в том числе действия руководимой толпы». ¹⁰ В отличие от скопа сговор характеризуется меньшим количеством лиц, привлеченных в него, но более детальной направленностью действий. Подчас сговор мог существовать более длительный срок, за время которого его участниками совершалось не одно преступление.

В одной из работ о политическом суде и политических преступлениях в Русском государстве XVII в. Г. Г. Тельберг указывал: «Субъектом преступления, именуемого в Уложении “скопом и заговором”, является совокупность лиц, объединенная предварительным соглашением... “Заговор” указывает на предварительное соглашение, а “скопом” характеризуется многочисленность действующих лиц». ¹¹ Например, в ст. 39 и 40 главы XXI Соборного уложения 1649 г. речь шла о групповом разбое, «... а воры – разбойники три или четыре человека или больше, пойманные на одном разбое, и с пыток которые начинали наговаривать на кого из знатных людей, на дворян, или на детей боярских, или на торговых людей, которые прежде того в приводе не бывали, и ни на каком воровстве не были задержаны, и ни в каких причинах не бывали – казнить их смертью».

Свое дальнейшее развитие законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за деятельность организованных преступных формирований, получает в Своде законов 1842 г. (т. XV, ч. I, ст. 267–269). В нем говорилось «... о недопустимости образования, с одной стороны, обществ, товариществ, братств и т. п. без ведома полицейских органов, с другой стороны, обществ, преследующих вредные для государства цели и способных посеять смуту. Организаторы и участники таких обществ рассматривались и наказывались как государственные преступники». ¹²

В дальнейшем преступное сообщество, как самостоятельная форма соучастия нашла свое уголовно-правовое закрепление в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. ¹³ Это Уложение представляло собой уже приближенный к подлинному кодексу законодательный акт. Его нормы дифференцировали ответственность за составление злонамеренных шаек и начальство в них, с одной стороны, и за участие в них, с другой (например, ст. 922, являющаяся общей нормой в данном отделении), и в ряде случаев за недонесение о них вследствие упущения по службе (например, ст. 924 и ст. 925). Основным признаком подобного

Ин-т Государства и права. М.: Наука, 1994. Т. I. С. 754; Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 24; Чернявская Т. А. Законодательные памятники России до 1917 года. Русская Правда. М., 1997.

⁸ См.: История СССР. М., 1939. Т. I. С. 470; Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 83; Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2001. С. 336–337.

⁹ См.: Соборное уложение 1649 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#2> (дата обращения: 18.11.2011).

¹⁰ Лапенков В. К. Указ. соч. С. 97.

¹¹ Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 96.

¹² Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 84.

¹³ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Свод законов Российской империи. СПб., 1885. Т. XV // Свод законов Российской империи. Издание неофициальное / под ред. и с примеч. И. Д. Мордухай-Болтовского: в 5 кн. СПб., 1912. Кн. 5.

общества Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. считало его целью. В статьях Уложения выделялись следующие цели такого общества: цель, вредную для спокойствия или целостности государства, и цель, противную установленным законом образу и порядку правления. Цель выступает решающим признаком тайных обществ этого рода, но способ действия тайного общества еще не определяет его природы. Напротив, в тайных обществах, «не имеющих явно преступного направления против спокойствия или целостности государства», рядом с целью Уложение предусматривает применение виновными «недозволенных законом действий».¹⁴ В Уложении закреплялось и то, что для наступления уголовной ответственности не требуется реального совершения преступления. Наказывалось составление шаек для учинения разбоя, поджога, фальшивомонетничества (ст. 924), кражи, мошенничества (ст. 925), нарушений акцизных законов, законов о торговле и игре, контрабанды, подкупа чиновников (ст. 926).¹⁵ Изучая Уложение 1845 г., автор отмечает, что подробного разграничения между собой эти формы не имели и, следовательно, можно сделать вывод, что они зачастую использовались как синонимы. Однако законодатель точно дифференцировал ответственность организатора шайки и всех ее участников, а дополнительно он оговаривал, что для признания преступления оконченным не требуется совершения преступления, для учинения которого и создавалась шайка.

Наравне с участием в шайке наказывалось и пособничество шайке (ст. 928). Можно отметить особенности дифференциации ответственности укрывателя. Согласно ст. 929, лицо, которое дало согласие укрывать членов шайки еще при ее создании, подлежит уголовной ответственности наравне с основателем шайки. Тот, кто не давал согласия заранее, но укрывает членов шайки с осознанием того, кем они являются – наказывается как за участие в этой шайке. В соответствии со ст. 930, если лицо укрывает добытое преступным путем, то он отвечает как за вступление в шайку, иными словами, за участие в ней. Как отмечал Н. С. Таганцев, для скупщиков и продавцов похищенного ст. 931 предусматривала особое наказание, которое практически совпадает с наказанием участника шайки.¹⁶

В шестой главе «О тайных обществах и запрещенных сходбищах» Уложение предусматривало уголовную ответственность лиц, организовавших и руководивших преступными сообществами. Так, согласно ст. 347 «Основатели и начальники тайных обществ, имеющих вредную для спокойствия или целостности государства, или противную установленным законом образу и порядку правления цель, – приговаривались к наказаниям в виде лишения всех прав и смертной казни».¹⁷ Ни в одной из статей Уложения не сказано о степени тяжести преступлений, для совершения которых создавалось преступное сообщество. Зато в нем содержится ст. 348, которая предусматривала ответственность для «основателей и начальников обществ, ... хотя и не имеющих явно преступной направленности против спокойствия или целостности государства, но старающихся посредством каких-либо неуказанных и недозволенных законом действий или влияния произвести перемену в общих государственных, губернских и других местных учреждениях». Индивидуальная ответственность предусматривалась и для рядовых участников общества. Главное условие для лица, вступившего в такое общество, чтобы оно было осведомлено о целях общества. В этих случаях оно приговаривалось к ссылке в Иркутскую или Енисейскую губернии на срок от двух до трех лет с запрещением выезда в другие Сибирские губернии.

¹⁴ См.: Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 84–85.

¹⁵ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 22.11.2011).

¹⁶ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Часть общая. Т. I. СПб., 1902. С. 751–764.

¹⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / сост. В. А. Томсинов. М.: Изд-во «Зерцало», 2000. С. 235.

Нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. оставались действующими нормами, практически в полном объеме, до конца истории уголовного законодательства дореволюционной России. Вместе с тем часть норм Уложения еще до 1918 г. была замещена нормами последнего памятника уголовного права Российской империи – Уголовного уложения 1903 г.,¹⁸ и все же действующим нормативным актом в области уголовного права, вплоть до 30 ноября 1918 г., оставалось Уложение 1845 г.¹⁹

Наряду с действующим Уложением 1845 г., в 1867 г. появился еще один закон о борьбе с противоправительственными обществами. Данный закон карал покушение на образование преступных сообществ, недонесение о них, а также допущение преступных собраний в своих жилищах.²⁰ К условиям, повышающим опасность сообщества, по мнению А. Н. Трайнина, закон относил в первую очередь конспиративную деятельность общества. Также если оно принимало особые меры по сокрытию от правительства своего существования или к тайному расширению круга своих действий, как то: кружки и отделения под одним общим управлением; если его члены обязались безусловным повиновением какому-либо, хотя и выбранному ими руководителю; и если имена руководителей хранились в тайне от других членов. Особенно опасный характер придает сообществу возбуждение к насильственным мерам и действиям.²¹

Мы видим, что закон 1874 г. предоставил администрации и судам широкое поле деятельности с неограниченными полномочиями. В первую очередь следует обратить внимание на то, что этот закон не давал определения сообщества как организованного коллектива, однако обозначил некоторые признаки общественной опасности, при наличии которых можно было судить о существовании сообщества. В прежнем законе 1867 г. употреблялся термин «общество», в новом же законе его заменили на «сообщество», не обозначая его признаков, тем самым, на наш взгляд, внося в практику еще большую неясность. Как отмечали специалисты в то время, на практике под понятие сообщества стали подводить любые формы связи и взаимоотношений между отдельными лицами. Так, например, по процессу 193-х как сообщество было квалифицировано знакомство подсудимых друг с другом, пение запрещенных песен и обмен фотографическими карточками.²²

В основу Уложения 1885 г. были дословно и в полном объеме перенесены ранее действовавшие постановления о соучастии. Мы согласны с А. Н. Мондохоновым, что именно в это время постепенно происходило движение от принципа индивидуализации ответственности соучастников в зависимости от форм и видов их участия в преступлении.²³ Так, например, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. за кражу шайкой ее «начальники, основатели и зачинщики» подвергались наказанию в виде направления в исправительное арестантское отделение сроком от пяти до шести лет, а все прочие участники – от трех до трех с половиной лет.²⁴

Совершенно иные постановления о соучастии были в Уложении 1903 г. Условно данные постановления можно разделить на два вида: это постановления, которые касались непосредственно соучастия в преступлении (ст. 51, 189 и 602), и постановления о преступном сооб-

¹⁸ См.: Уголовное уложение (статьи, введенные в действие). Свод законов Российской империи. СПб., 1909. Т. XV // Свод законов Российской империи.

¹⁹ См.: Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. С. Комиссарова. СПб., 2005. С.35.

²⁰ См.: Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 85.

²¹ Там же. С. 87–88.

²² См.: Уголовное уложение. Проект редакционной комиссии и объяснения к нему. 1895. Т. II. С. 180.

²³ См.: Мондохонов А. Н. Соучастие в преступной деятельности: монография / под ред. И. Э. Звечаровского; ГОУ ВПО РПА Минюста России. М.: РПА МЮ РФ, 2006. С. 7.

²⁴ См.: Карганова Б. Конструирование санкций в уголовном законодательстве дореволюционной России // Уголовное право. 2003. № 1. С. 32.

ществе (ст. 52, 118, 124–127, 564).²⁵ В ст. 51 Уголовного уложения 1903 г. говорилось, что соучастниками признаются лица, согласившиеся на совершение преступления или действовавшие при совершении преступления заведомо сообщая. Данная точка зрения относительно соучастия, как отмечал М. И. Ковалев, не являлась общепризнанной и подвергалась критике, так как значительно сужала пределы допустимого участия в преступлении, исключая из него вполне возможные случаи соучастия без соглашения.²⁶

Непосредственное участие в сообществе или шайке было регламентировано специальными нормами Особенной части Уложения. Согласно ст. 52 Уложения,²⁷ выделялось два вида преступного сообщества. Первое – это сообщество, которое создавалось для совершения одного преступления, и второе – это шайка, то есть сообщество, которое создавалось для совершения нескольких преступлений. Таким образом, мы видим, что отличие шайки от сообщества заключалось в количестве тяжких преступлений, для совершения которых создавалось то или иное преступное объединение. Согласно ст. 102 Уложения 1903 г., виновный в участии в сообществе, организованном для посягательства на жизнь, здоровье, свободу императора и членов его семьи, а также на его низвержение, наказывался бессрочной каторгой. По ст. 102 ответственность наступала и за участие в сообществе, которое составлялось для учинения тяжкого преступления, вооруженного мятежа или насильственного изменения порядка правления, или порядка наследования престола. В случае существования заговора к составлению сообщества для этих целей следовало наказание, и за заговор в виде каторги на срок до восьми лет.

В ст. 121–127 пятой главы Уложения ответственность дифференцирована за организацию и за участие в публичном скопище. В качестве квалифицирующих признаков создания преступных организаций и участия в них, предусматривалось насильственное противодействие власти и освобождение арестантов из-под стражи. А в п. 2 ст. 125 Уложения²⁸ говорилось об ответственности за участие в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности возбуждение вражды между отдельными частями или классами населения, между сословиями, или между хозяевами и рабочими, что, на наш взгляд, являлось прообразом нынешнего участия в экстремистском сообществе. Каторгой на срок до восьми лет по ст. 126 Уложения каралось участие в сообществе, заведомо поставившем целью ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов. Если же такое сообщество имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, то его участники наказывались каторгой на срок до пятнадцати лет.

По нашему мнению, такая дифференциация вполне оправдана, так как наличие оружия или средств для взрыва повышает общественную опасность деяния, а, следовательно, и наказание за совершение такого действия должно быть более строгое.

Одной из новелл Уголовного уложения 1903 г. (ст. 127) явилось смягчение наказания или полное освобождение от него участников преступного сообщества. Главным условием такого освобождения было своевременное донесение о существовании такого сообщества до его обнаружения. На наш взгляд, Уголовное уложение 1903 г. содержало новые признаки, определяющие сообщество, предусматривало и условия освобождения от ответственности, однако неопределенность этих признаков и размытость их границ не позволяла вести эффективную борьбу с такими сообществами.

Изучая заговор и шайку в связи с учением о главных виновниках преступления, А. Жиряев рассматривал их «по различному способу или поводу соединения нескольких главных

²⁵ См.: Ковалев М. И. Указ. соч. С. 62.

²⁶ Там же. С. 62.

²⁷ Чернявская Т. А. Законодательные памятники России до 1917 года. Уголовное уложение 1903 года. М., 1997. С. 47.

²⁸ См.: Уголовное уложение 1903 г. URL: <http://agent.i-jinmyung.com/sport/ugolovnoe-ulozhenie-1903-goda.html> (дата обращения: 03.02.2014).

виновников в одно преступное сообщество. При этом он выделял такие виды соучастия, как скоп, заговор и шайку...»²⁹ В своей работе А. Жиряев опирался на более ранний анализ заговора и шайки, произведенный П. А. Фейербахом.³⁰ Заговор можно было бы сравнить с современной группой лиц объединенных предварительным сговором, а шайка – это своеобразное общество, члены которого решили заниматься преступной деятельностью в виде ремесла, без определения точного числа и вида совершаемых в дальнейшем преступлений. Справедливо и актуально, на наш взгляд, его высказывание о том, что отрицание закона членами банды достигает своего высшего предела, так как обыкновенные преступники, решаясь совершить преступление, еще не отвергают закон, его силу и правовое значение. «Преступники же по ремеслу, какими и являются бандиты, решительным образом отрицают уголовный закон, а поэтому и наказание для них должно быть более строгим и тяжким».³¹

О том, что за составление шаек должна быть предусмотрена уголовная ответственность, выступали другие ученые того времени. Например, С. Будзинский считал, что появление шаек опасно для общества в целом: «Такое сообщество укрепляет силы единиц, значительно облегчает совершение преступлений и, сверх того, привлекает самых испорченных индивидов и образует род войны между преступниками и обществом».³² Хотя, как указывал С. Будзинский, образование, формирование шайки само по себе и является лишь приготовлением к преступлению, однако общественная опасность, которая сопровождает банду, делает это преступное деяние самостоятельным видом преступления с момента ее создания.

Обобщенные взгляды ученых, относительно дореволюционных проявлений различных форм соучастия, изложены Н. Д. Сергеевским: «Соучастие по предварительному соглашению представляет собою не только большую степень субъективной виновности соучастников, но является и более опасным с объективной стороны. Поэтому само вступление в такое соучастие может быть наказуемо».³³ Уголовная же ответственность за участие в сообществе или шайке, по мнению Н. С. Таганцева, возможна только тогда, когда предположенное не свершилось; в противном же случае ответственность за учиненное деяние поглощает сам заговор.³⁴ Автор поддерживает данную позицию. Ответственность за участие в сообществе или шайке должна иметь место даже тогда, когда участники преступного сообщества еще не совершили какого-либо деяния, однако они осознают, что являются непосредственно членами такого сообщества и готовы к осуществлению противоправной деятельности.

После Октября 1917 г. вопросам соучастия было уделено внимание в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г.³⁵ По мнению М. И. Ковалева, этот документ впервые дал определение соучастия в преступлении и указал на виды соучастников (ст. 22–24). В них был закреплен принцип одинаковой ответственности всех соучастников и причастных к преступлению лиц. В ст. 21 говорилось, что за деяния, совершаемые «обща группой лиц (шайкой, бандой, толпой) наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники».³⁶ Мера наказания при этом «определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния».³⁷ Данное положение Руководящих начал подвергалось критике со стороны некоторых советских авторов. Так, например, А. Н. Трайнин писал, что это предписы-

²⁹ Жиряев А. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 45.

³⁰ См.: Фейербах П. А. Уголовное право. СПб., 1810. С. 46–47.

³¹ Там же. С. 124.

³² Будзинский С. О преступлениях в особенности: сравнительное исследование. М., 1887. С. 333.

³³ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть общая. 7-е изд. СПб., 1908. С. 310.

³⁴ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. Тула, 2001. С. 607–608.

³⁵ СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

³⁶ См.: Ковалев М. И. Указ. соч. С. 76.

³⁷ См.: СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590; Малиновский В. В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика): монография / отв. ред. А. И. Чучаев. М.: Проспект, 2009. С. 53.

ваемое законом игнорирование фактической роли соучастника в совершении конкретного преступления кажется тем менее обоснованным, что оно покоится на противопоставлении степени участия степени опасности преступника. В действительности же получается наоборот, степень участия является одним из ценных показателей степени опасности преступника.³⁸ Аналогично считал и В. Гольдинер: «...противопоставление степени участия в преступлении степени опасности преступления и отказ от учета первого из двух моментов вызывают сомнения, так как степень участия в преступлении, наряду с другими признаками, характеризующими личность преступника, несомненно, является показателем степени его социальной опасности».³⁹

На наш взгляд, при совершении преступления в соучастии к ответственности следует привлекать, несомненно, всех соучастников, однако мера наказания должна была определяться степенью участия каждого лица индивидуально в совершаемом ими преступлении, а не характеристикой личностей соучастников.

В это время можно говорить о приоритете в уголовной политике теории опасного состояния личности. Как писал М. М. Исаев: «... теория соучастия Руководящих начал вполне понятна, так как 1919-й год является одним из наиболее ожесточенных этапов гражданской войны, именно поэтому личность преступника и его классовая принадлежность выдвигаются на первый план».⁴⁰ Впоследствии положения относительно проблем соучастия, имеющих место в Руководящих началах, были отвергнуты.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.⁴¹ явился первым кодифицированным актом советской эпохи. В отличие от Руководящих начал, УК 1922 г. не содержал в себе общего определения соучастия, отсутствовали в нем и упоминания об организованных проявлениях преступной активности. В Особенной части кодекса организованная деятельность упоминалась лишь в связи с контрреволюционными преступлениями и преступлениями против порядка управления. Иные проявления организованной преступной деятельности, известные дореволюционному праву, в УК 1922 г. не встречаются, если не считать содержания притонов разврата (ст. 171).

В 1924 г., в связи с образованием СССР, были приняты «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик». Что касается соучастия, то о нем упоминалось всего лишь в одной ст. 12, согласно которой «...меры социальной защиты применялись в отношении всех соучастников (подстрекателей, исполнителей, пособников) в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени их участия в преступлении».⁴²

Как мы видим, в Основных началах отсутствуют определения отдельных видов соучастников, что предоставило союзным республикам возможность самостоятельно решать данный вопрос. И здесь следует согласиться с М. И. Ковалевым в том, что такое положение, скорее, нельзя признать правильным, так как установление принципов уголовной ответственности за соучастие является одним из общих начал уголовного права в целом.⁴³

Отсутствие точных определений в законе позволяет правоприменителю субъективно подходить к определению того или иного соучастника, а это в свою очередь приводит к нарушению принципов уголовной ответственности.

Сохранил преемственность со своим предшественником и УК РСФСР 1926 г.⁴⁴ В Общей части определялись лишь виды и пределы ответственности соучастников, а конкретные проявления организованной преступной деятельности концентрировались в Особенной части

³⁸ См.: Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 48.

³⁹ Гольдинер В. К вопросу о соучастии в советском уголовном праве // Социалистическая законность. 1939. № 1. С. 43.

⁴⁰ Исаев М. М. О наказуемости родственного укрывательства и доносительства // Советское право. 1924. № 1.

⁴¹ СУ РСФСР. 1922. № 15.

⁴² См.: СЗ. 1924. № 24.

⁴³ См.: Ковалев М. И. Указ. соч. С. 85.

⁴⁴ СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

кодекса, в ней перечисляются такие формы преступных объединений, как шайка и банда, которые отличались друг от друга только признаком вооруженности последней.

Отягчающим наказанием обстоятельством признавалось совершение преступления в составе группы либо банды. Так, 4 июня 1947 г. Указами Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного или общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» установлена ответственность за хищение государственного и общественного имущества, за кражу личного имущества и за разбой, совершенные, в том числе, «организованной группой (шайкой)» или «воровской шайкой».⁴⁵ Такая формулировка, по мнению О. А. Поповой, ставила знак равенства между организованной группой и шайкой, признак же организованности отличал их от простой преступной группы лиц.⁴⁶

Включая в себя самые прогрессивные теоретические взгляды, научная основа института соучастия более отчетливо определялась в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. С момента принятия УК 1960 г. в нем присутствовала ст. 77, определяющая ответственность за бандитизм, т. е. за организацию «вооруженных банд с целью нападения на государственные или общественные предприятия, учреждения, организации либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ими нападениях».⁴⁷

На протяжении всего времени, пока действовал УК РСФСР 1960 г., в него вносились многочисленные изменения и дополнения, некоторые из которых, на наш взгляд, представляют определенный интерес, в свете рассматриваемого нами вопроса. Так, 25 июля 1962 г. в УК РСФСР 1960 г. включена ст. 77¹, которой устанавливалась ответственность за организацию в местах лишения свободы преступных группировок или активное участие в таких группировках в целях терроризирования в местах лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, или совершения нападений на администрацию мест лишения свободы.⁴⁸ Принятие этой нормы было обусловлено необходимостью ужесточить правила отбывания наказания в местах лишения свободы для лиц, склонных к совершению групповых преступлений.

В 1994 г. УК 1960 г. дополнен ст. 17¹ «Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой».⁴⁹ Данной нормой, по мнению Н. П. Водько, «впервые была сделана попытка разграничить законодательно понятия группы по предварительному сговору и организованной группы».⁵⁰ Так, согласно ч. 1 ст. 17¹ УК РСФСР, группа лиц по предварительному сговору отличалась от организованной группы по признакам устойчивости и предварительного объединения для совершения преступлений. К сожалению, четкого определения данных признаков в уголовном законодательстве не содержалось. Данная новелла в УК РСФСР разграничивала роли и ответственность каждого из соучастников, входивших в организованную группу, подчеркнув тем самым общественную опасность организатора и руководителя такой группы. Такое решение можно считать своевременным и обоснованным. Можно также сказать и о ст. 77² УК РСФСР, которая была включена в кодекс в связи с военными событиями в Чеченской Республике 28 апреля 1995 г. Данная статья предусматривала ответственность за организацию вооруженных объединений, отрядов, дружин и других

⁴⁵ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.

⁴⁶ См., напр.: Попова О. А. Проблемы дифференциации ответственности за бандитизм (исторический и уголовно-правовой аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 11.

⁴⁷ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. С. 591.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ СЗ РФ. 1994. № 10. Ст. 1109.

⁵⁰ Водько Н. П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью: научно-практическое пособие. М.: Юриспруденция, 2000. С. 4.

военных формирований, не предусмотренных федеральными законами, а равно за участие в таких формированиях. При этом дифференциация ответственности организаторов и участников таких формирований, в соответствии с ч. 1 ст. 77², отсутствовала.⁵¹ Следует отметить, что в ч. 2 и 3 данной статьи предусматривалась ответственность за совершение иных тяжких преступлений в составе незаконных вооруженных формирований, в том числе и убийств. В примечании к этой статье предусмотрено специальное основание для освобождения от уголовной ответственности (если лицо добровольно вышло из состава незаконного вооруженного формирования, сдало оружие органам власти, и в его действиях нет состава иного преступления).

В это время происходили и некоторые изменения в толковании уголовного законодательства относительно преступлений, совершаемых преступными сообществами и бандами. Впервые с 1989 г. Пленум Верховного Суда СССР, а затем РФ сформулировал разъяснение о применении норм об ответственности за бандитизм и преступления, совершаемые бандой. Согласно п. 2 Постановления Верховного Суда РФ № 9 под вооруженной бандой следовало понимать устойчивую организованную вооруженную группу из двух и более лиц, предварительно объединившихся для совершения одного или нескольких нападений на граждан либо на предприятия, учреждения, организации.⁵²

Существенные изменения в уголовном законодательстве, касающиеся противодействия организованной преступности, произошли в 1996 г., когда был принят новый УК РФ. Отдельная 7 глава в Общей части УК посвящена вопросам соучастия. Законодателем было сформулировано понятие соучастия, а также его виды и формы (ст. 32, 33, 35). Впервые законодательно закреплено и понятие такой формы соучастия как преступное сообщество (преступная организация). Установлены правила квалификации при соучастии и эксцесс исполнителя (ст. 34, 36). Впервые в Особенной части УК появилась статья (ст. 210), предусматривающая ответственность за создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Кроме того, в дополнение к ст. 210 УК еще в четырех статьях (ст. 208, 209, 239 и ст. 282¹) предусматривается уголовная ответственность за создание и участие в преступных объединениях различного вида. Завершая освещение социально-исторической обусловленности выделения преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) как формы соучастия, можно сделать следующие выводы.

1. Истоки образования, создания и развития преступного сообщества как самостоятельной разновидности преступного деяния лежат в институте соучастия.

⁵¹ СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1595.

⁵² Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22.09.1989 г. № 10 «О выполнении судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР при рассмотрении уголовных дел об умышленных убийствах» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. № 6. С. 16; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.1993 г. № 9 «О судебной практике по делам о бандитизме» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 3. С. 3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.